N 37/273

expbee
30/6 · 81
— 21.7.87

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (Жиберъ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ТОМЪ II

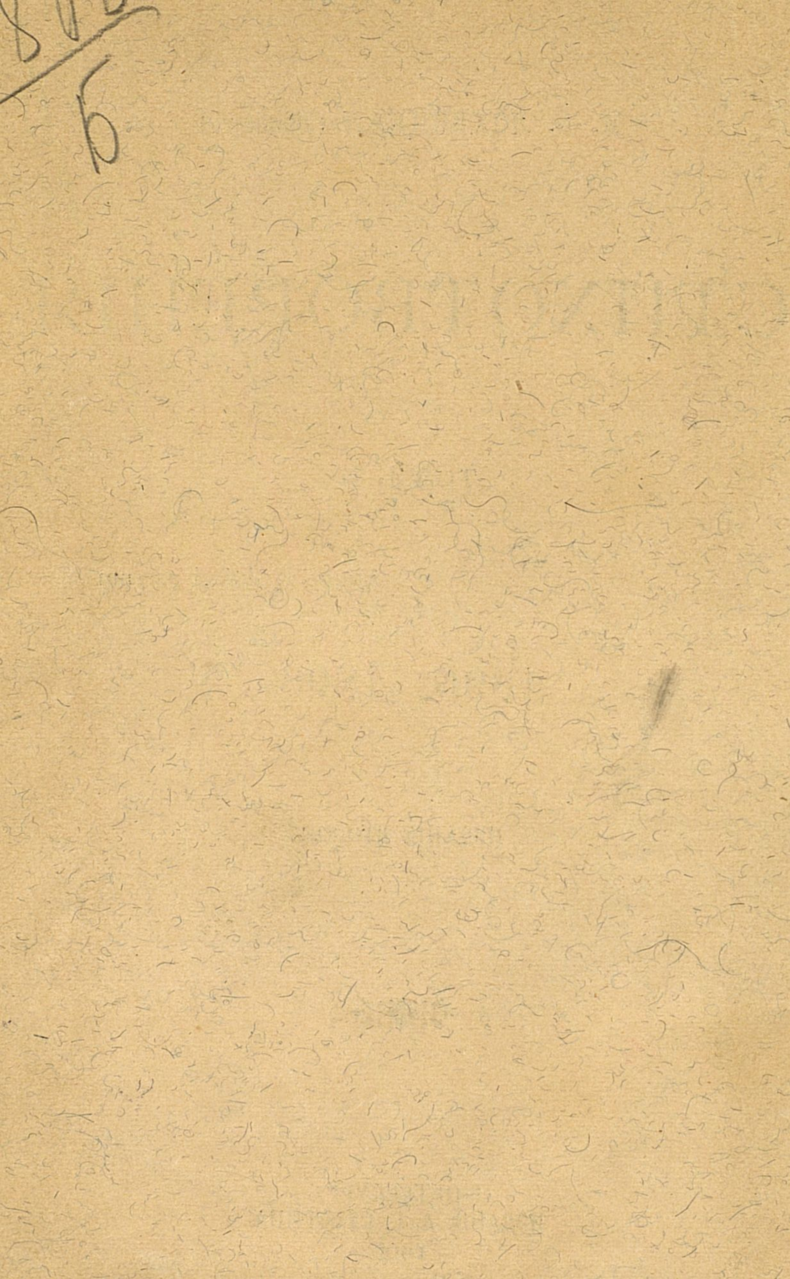
Amori et dolori sacrum

1896—1898

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1900

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (Жиберъ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ТОМЪ II

Amori et dolori sacrum

1896—1898

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

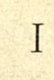

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1900

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

I

Въ кудряхъ каштановыхъ моихъ
Есть много прядей золотистыхъ,—
Видѣній дѣвственныхъ и чистыхъ
Въ моихъ мечтаньяхъ огневыхъ.

Слилось во мнѣ сіянье дня
Со мракомъ ночи безпросвѣтной,—
Мнѣ милъ и солнца лучъ привѣтный,
И шорохъ тайнъ манитъ меня.

И суждено мнѣ до конца
Стремиться вве́рхъ, скользя́ надъ бездной,
Въ туманѣ свѣтъ провидя звѣздный
Изъ звѣздъ сплетеннаго вѣнца.

ГИМНЪ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Пальмы листьями перистыми
Чуть колеблютъ въ вышинѣ;
Этотъ вечеръ снами чистыми
Опьяняетъ душу мнѣ.

За горами темно-синими
Гаснетъ радужный закатъ;
Вѣтеръ, вѣющій пустынями,
Льетъ миндальный ароматъ.

Грозный тамъ, въ странѣ загубленной,
Онъ притихъ на склонѣ дня...
Мой желанный, мой возлюбленный,
Гдѣ ты?... Слышишь ли меня?

Помня клятвы незабытыя —
Быть твоею иль ничьей,
Я спѣшу къ тебѣ, залитая
Блескомъ розовыхъ лучей.

Тороплюсь сорвать запястія,
Ожерелье отстегнуть...
Неизвѣданнаго счастія
Жаждетъ трепетная грудь, —

1*

Сбросить бремя жизни тягостной,
Прахъ тернистаго пути.
О мой свѣтлый, о мой радостный,
Утомленную впусти!

Я войду въ чертогъ сіяющій,
Гдѣ, на ложѣ миртъ и розъ,
Ты покоишься, внимающій
Лепетанью райскихъ грезъ.

Выну масти благовонныя,
Умащу твою главу,
Поцѣлую очи сонныя,
Грезы райскія прерву.

Я войду въ твой храмъ таинственный,
Ласки брачныя готовь.
Мой прекрасный, мой единственный,
Утоли мою любовь!

ПОЛУДЕННЫЯ ЧАРЫ.

Пустыня... песокъ раскаленный и зной...
Шатеръ полосатый разбитъ надо мной...
Сижу я у входа, качая дитя,
Пою я, — и вѣтеръ мнѣ вторитъ, свистя...

И вижу я, — кто-то несется ко мнѣ
На черномъ, какъ уголь, арабскомъ конѣ,
Рисуясь на склонѣ небесъ голубомъ,
Въ чалмѣ драгоцѣнной съ алмазнымъ перомъ.

— «Привѣтъ тебѣ, путникъ! Въ шатеръ мой войди,
Останься, коль дологъ твой путь впереди;
Я финиковъ лучшихъ для гостя нарву
И миррой твою умащу я главу.

«Я мѣхъ твой наполню струею вина...
Властитель уѣхалъ, — войди, — я одна...
Привѣтъ тебѣ, гость мой, посланный судьбой,
Да внидутъ и миръ, и отрада съ тобой!»

— «Усталъ я, — онъ молвилъ, — и путь мой далекъ,
Въ край солнца и розъ я спѣшу на востокъ...
Но некогда медлить... я ѣду... прощай!..
Одинъ поцѣлуй лишь на счастье мнѣ дай!»

Прозрачную ткань отвела я съ чела
И съ тихимъ смущеньемъ къ нему подошла...
И, вотъ, наклонился ко мнѣ онъ съ коня
И обнялъ такъ крѣпко, такъ жарко меня.

И кудри его благовонной волной
Закрыли мгновенно весь міръ предо мной!..
Лишь очи, какъ звѣзды, сверкали во тьмѣ
И страстныя думы рождали въ умѣ...

И слышалось, будто сквозь облако грезъ:
— «Умчимся, умчимся въ край солнца и розъ!»
Но острымъ кинжаломъ мнѣ въ сердце проникъ
Ребенка нежданно раздавшійся крикъ.

И руки мои опустились безъ силъ,
И съ ропотомъ онъ отъ меня отступилъ...
Какъ чары полудня, мелькнувъ предо мной,
Исчезли и всадникъ, и конь вороной...

И замерли звуки манящихъ рѣчей,
Что сладко въ душѣ трепетали моей, —
Ихъ вѣтеръ пустыни унесъ безъ слѣда
Далеко... далеко... навѣкъ... навсегда...

„МЕРТВАЯ РОЗА“.

Я «мертвая роза», нимфея холодная,
Живу, колыхаясь на зыбкихъ волнахъ,
Смотрюсь я, какъ женщина, въ зеркало водное,
Какъ нимфа, скрываюсь въ рѣчныхъ камышахъ.

Разбросивъ, какъ волосы, листья зеленые,
Блещу я во мракѣ жемчужной звѣздой;
На мнѣ серебрятся лучи отдаленные,
Влюбленнаго мѣсяца свѣтъ молодой.

Но пѣснь соловьиная, пѣсня побѣдная,
Меня не обвѣетъ небесной тоской.
Я «мертвая роза», безстрастная, блѣдная,
И милъ мнѣ, и дорогъ мой гордый покой.

Надъ вѣнчикомъ бѣлымъ, цикады отважныя,
Напрасно въ ревнивый вступаете бой, —
Для васъ лепестки не раскроются влажные,
Останется мертвымъ цвѣтокъ роковой.

Летите къ фіалкамъ, гдѣ влага росистая
Сверкаетъ призывно алмазами слезъ.
Я «мертвая роза», я лилія чистая,
Я нѣжусь въ сіяньи серебряныхъ грезъ.

СПЯЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

Земная жизнь моя — звенящій
Невнятный шорохъ камыша.
Имъ убаюканъ лебедь спящій,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькаютъ торопливо
Въ исканьяхъ жадныхъ корабли.
Спокойно въ заросли залива,
Гдѣ дышетъ грусть, какъ гнетъ земли.

Но звукъ, изъ трепета рожденный,
Скользнетъ въ шуршаньи камыша,—
И дрогнетъ лебедь пробужденный,
Моя безсмертная душа.

И понесется въ міръ свободы,
Гдѣ вторятъ волнамъ вздохи бурь,
Гдѣ въ перемѣнчивыя воды
Глядится вѣчная лазурь.

МЕЖДУ ЛИЛІЙ.

—Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я—ему; онъ пасетъ между лилій.

«Пѣсни пѣсней», 2, 16.

Лиліи, лиліи чистыя,
Звѣзды саронскихъ полей,
Чаши раскрыли душистыя
Горнаго снѣга бѣлѣй.

Небу возноситъ хваленіе
Сладостный ихъ ѳиміамъ.
Золото — ихъ опыленіе,
Вѣнчикъ — сіяющій храмъ.

Въ ночи весеннія, лунныя,
Къ тѣни масличныхъ деревъ
Овцы спѣшатъ бѣлорунныя,
Слышенъ свирѣли напѣвъ.

Въ лунныя ночи, безсонныя,
Послѣ дневного труда,
Другъ мой въ поля благовонныя
Къ пастбищу гонитъ стада.

Другъ мой, что облачко ясное,
Лучъ, возрожденный изъ тьмы.
Другъ мой, что солнце прекрасное
Въ мракѣ дождливой зимы.

Взоры его — благосклонные,
Рѣчи — любви торжество.
Блещутъ подвѣски червонныя
Царской тіары его.

Пурпуръ — его одѣяніе,
Посохъ его — золотой.
Весь онъ — восторгъ и сіяніе,
Весь — ароматъ пролитой.

— Другъ мой! подъ свѣжими кущами
Сладокъ нашъ будетъ пріютъ.
Тихо тропами цвѣтущими
Овцы твои побредутъ,

Лозы сомнутъ виноградныя,
Пѣсни забудутъ твои,
Вспѣнятъ потоки прохладные,
Водъ галаадскихъ струи.

Утромъ жнецами и жницами
Мирный наполнится садъ;
Будутъ слѣдить за лисицами,
Гнать молодыхъ лисенятъ.

Будутъ тяжелыми урнами
Свѣтлый мутить водоемъ...
Другъ мой, ночами лазурными
Какъ намъ отрадно вдвоемъ!

Кроютъ насъ чащи тѣнистыя,
Сумракъ масличныхъ аллей.
Другъ мой! мы — лиліи чистыя,
Дѣти саронскихъ полей.

---

*
* *

Быть грозѣ! Я вижу это
Въ трепетаньи тополей,
Въ тяжкомъ зноѣ полусвѣта,
Въ душномъ сумракѣ аллей.

Въ мощи силы раскаленной —
Скрытыхъ облакомъ — лучей,
Въ поволокѣ утомленной
Дорогихъ твоихъ очей.

ОЧАРОВАНІЕ.

Синевато-черныя рѣсницы,
Бросивъ тѣнь на блѣдныя черты,
Знойныхъ грезъ рождаютъ вереницы,
И роятся страстныя мечты.

И огонь несбыточной надежды
Въ этотъ мигъ горитъ въ моей груди...
О, оставь опущенными вѣжды,
Тайну чаръ нарушить погоди!

Тайнамъ чаръ душа отдаться рада,—
Ждать и жаждать чуда — мой удѣлъ.
И меня волнуетъ больше взгляда
Эта тѣнь колеблющихся стрѣлъ.

---

* * *

Такъ низко надъ зрѣющей нивой
Проносится вихрь торопливый,
Изъ тканей заоблачныхъ свитъ.
Онъ дышетъ горячими снами,
Безплотными вѣетъ крылами,
Незримой одеждой шумитъ.

Колосья покорны и тихи,
И розово-бѣлой гречихи
Склонился подкошенный цвѣтъ.
Предъ нимъ разступились дубравы,
За нимъ зазмѣилися травы,
Поклонъ ему шлютъ и привѣтъ.

И вольный, въ полетѣ широкомъ,
Промчавшись надъ бурнымъ потокомъ,
Намѣтилъ серебряный слѣдъ—
Для тѣхъ, кто слагаетъ молитвы,
Кто ищетъ восторговъ и битвы,
Кто жаждетъ и грозъ, и побѣдъ!

---

*
* *

Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,
Что изъ риѳмъ я себѣ ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.

Но безсмертья я смертью своей не куплю
И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
Не измѣнитъ мой жгучій, мой женственный стихъ.

ТРІОЛЕТЪ.

Въ моемъ аккордѣ три струны,
Но всѣхъ больнѣй звучитъ вторая:
Тоской нездѣшней стороны.
Въ моемъ аккордѣ три струны!
Въ нихъ — дѣтства розовые сны,
Въ нихъ — вздохъ потеряннаго рая.
Въ моемъ аккордѣ три струны,
Но всѣхъ больнѣй звучитъ вторая.

---

* * *

Бываютъ дни, когда — въ пустые разговоры,
Въ докучный шумъ и смѣхъ, и громкій стукъ колесъ —
Вторгаются таинственные хоры,
Несущіе отраду сладкихъ слезъ.

Пусть правитъ міромъ грѣхъ. Въ тщетѣ своихъ усилій
Замрутъ и отзвучатъ надменныя слова,—
И въ смрадъ земли повѣетъ запахъ лилій,
Нетлѣнное дыханье Божества.

Пусть властвуетъ порокъ, пусть смерть царитъ надъ нами.
Бываютъ дни, когда, оковы сокруша,
Встряхнетъ нежданно мощными крылами,
Возставъ отъ сна, безсмертная душа.

МАРШЪ.

I.

Сегодня, лишь забрезжилъ свѣтъ,
Какъ въ чуткой тишинѣ
Далекихъ лѣтъ родной привѣтъ
Въ окно донесся мнѣ.

То маршъ звучалъ, то маршъ игралъ
Средь чуткой тишины
И грезы яркія вплеталъ
Въ предутренніе сны.

То онъ, мой рыцарь, мой женихъ,
Окончивъ славный бой,
Ведетъ ряды дружинъ своихъ
Усталыхъ за собой.

Блеститъ его тяжелый щитъ
И вьется шелкъ кудрей...
Къ нему душа моя летитъ...
О другъ, я жду!.. скорѣй!

II* 2

И вотъ все ближе, все слышнѣй,-
Мнѣ чудится сквозь сонъ,
Что вторитъ топоту коней
Доспѣховъ лязгъ и звонъ.

Но мимо. — Есть предѣлъ мечтамъ,
И грезъ прошелъ чередъ.
Смолкаетъ маршъ — и скоро тамъ,
Въ нѣмой дали, замретъ.

II.

Что-то призывное было
Въ звукахъ торжественныхъ тѣхъ,
Что-то влекло и манило
Въ міръ невозвратныхъ утѣхъ.

Пусть разрастаются муки,
Сладкой бываетъ тоска;
Съ вѣчнымъ томленьемъ разлуки
Мысль о свиданьи близка.

Звуки разсѣялись, тая,
Стихли въ дали голубой...
Только мечта золотая
Шепчетъ: «Я здѣсь, я съ тобой!

«Грани вѣковъ между нами
«Встали безсильной стѣной;
«Другъ мой, мы связаны снами,
«Ты неразлучна со мной».

---

*
* *

Есть что-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ,
И въ звукахъ смѣха, тонущихъ вдали.
И кроется печаль въ роскошно знойномъ лѣтѣ,
Въ уборѣ царственномъ земли.

И въ рокотъ соловья вторгаются рыданья,
Какъ скорбный стонъ надорванной струны.
Есть что-то грустное и въ радости свиданья,
И въ лучшихъ снахъ обманчивой весны.

МОИМЪ СОБРАТЬЯМЪ.

Поэты — носители свѣта,
Основы великаго зданья.
Удѣломъ поэта
И было, и будетъ — страданье.

Для высшей вы созданы доли
И брошены въ море лишеній.
Но ковы неволи
Расторгнетъ воспрянувшій геній.

Не бойтесь волненья и битвы,
Забудьте о жалкой забавѣ.
Слагая молитвы,
Служите не призрачной славѣ.

И, сильные духомъ, не рвите
Цвѣтовъ, наклонившихся къ безднамъ.
Алмазныя нити
Связуютъ васъ съ міромъ надзвѣзднымъ.

И вѣчность за мигъ не отдайте,
Мишурному счастью не вѣрьте.
Страдайте, страдайте!
Страданья вѣнчаетъ безсмертье.

ВО РЖИ.

(Во снѣ и на яву).

I.

Мы шли во ржи. Полоска золотая
Еще горѣла въ розовой дали.
Смѣялись мы, шутили, не смолкая,
Лишь потому—что плакать не могли.
И шли мы объ руку,—но тѣнь была межъ нами;
И близки были мы, и страшно далеки.
Лазурно-темными глазами
На насъ смотрѣли васильки.

И въ этотъ часъ, томительно-печальный,
Сказать хотѣла я: «О милый другъ, взгляни:
Тускнѣютъ небеса и меркнетъ свѣтъ прощальный,—
Такъ въ вѣчности угаснутъ наши дни.
Коротокъ путь земной; но, другъ мой, другъ любимый,
Его мы не пройдемъ вдвоемъ, рука съ рукой...
Къ чему-жъ вся эта ложь любви, порабощимой
Безуміемъ и завистью людской!
Ты слышишь ли жужжанье прялки странной,
Гдѣ зыблются предвѣчные огни?
(Во снѣ и наяву).

То Парки заняты работой непрестанной...
Туда, на небеса потухшія, взгляни.
О другъ мой, мы — песокъ, смываемый волнами,
Мы — слѣдъ росы подъ пламенемъ луча!»
Сказать хотѣла я... Но тѣнь была межъ нами.
А нива двигалась вздыхая и шепча,
И вечеръ догоралъ блѣднѣющимъ закатомъ,
И сыростью ночной повѣяло съ рѣки.
Чуть слышно, тонкимъ ароматомъ,
Благоухали васильки.

II.

И снилось мнѣ въ ту ночь: мы снова бродимъ въ полѣ,
Колосья-призраки волнуются кругомъ.
Намъ радостно, и нѣтъ преградъ межъ нами болѣ,
И нѣтъ тоски во взорѣ дорогомъ.
И льется рѣчь твоя, звучатъ мольбы и пени,
И вотъ мы на цвѣтахъ таинственной межи.
Ты голову склонилъ мнѣ на колѣни,
И въ золотѣ кудрей, какъ въ гроздьяхъ спѣлой ржи,
Запутались мои трепещущія руки...
Въ странѣ чудесъ, гдѣ нѣтъ разлуки,
Мы были вмѣстѣ: ты и я.
И шорохъ прялки неустанной
Растаялъ въ вѣчности туманной,
Затихъ во тьмѣ небытія...

---

* * *

Кто — счастья ждетъ, кто—проситъ славы,
Кто — ищетъ почестей и битвъ,
Кто — жаждетъ бѣшеной забавы,
Кто — умиленія молитвъ.

А я — всѣ ложныя видѣнья,
Какъ вздорный бредъ угасшихъ дней,
Отдамъ за нѣгу пробужденья,
О другъ мой, на груди твоей!

РЕВНОСТЬ.

Гдѣ сочная трава была какъ будто смята,
Нашла я ленты розовой клочокъ.
И въ царствѣ радостномъ лучей и аромата
Пронесся вздохъ, — подавленъ, но глубокъ.

Иглой шиповника задержанный случайно,
Среди бутоновъ жаждущихъ расцвѣсть,
Несчастный лоскутокъ, разгаданная тайна,
Ты мнѣ принесъ мучительную вѣсть.

Я сохраню тебя, свидѣтеля обмана,
На сердцѣ, полномъ горечи и зла,
Чтобъ никогда его не заживала рана,
Чтобъ месть моя достойною была!

ВЪ ПОЛЕВЫХЪ ЦВѢТАХЪ.

Мнѣ донесся въ часъ заката
Ароматъ твоихъ кудрей;
Ты меня любовью брата
Оживи и отогрѣй.

Приходи на лугъ цвѣтистый,
Гдѣ безшумно подъ ногой
Дрокъ струится золотистый
Благовонной пеленой.

Гдѣ межъ крестиковъ гвоздики
Блекнетъ, сломленный борьбой,
Въ цѣпкихъ листьяхъ павилики
Колокольчикъ голубой.

Тамъ, надъ ложемъ красной кашки,
Съ гулкимъ звономъ вьется шмель,
Желто-бѣлыя ромашки
Стелютъ мягкую постель.

Тамъ зыбучимъ покрываломъ
Травы сонныя цвѣтутъ,
Тамъ печальнымъ, тамъ усталымъ
Зрѣетъ ласковый пріютъ.

Будь мнѣ другомъ иль влюбленнымъ,
Но безмолвствуй о любви,
Поцѣлуемъ изступленнымъ
Свѣтлыхъ сновъ не отрави.

Дай забыться въ грезахъ чистыхъ
И, проснувшись поутру,
Разбуди въ цвѣтахъ росистыхъ —
Не подругу, а сестру.

---

*
* *

Напрасно спущенныя сторы
Не пропускаютъ свѣтъ дневной,
Напрасно жгутъ и нѣжатъ взоры,—
Они безсильны надо мной.

Съ улыбкой блѣдной, безучастной,
Внимаю я твоимъ мольбамъ;
Ужели гордость доли властной
Такъ безразсудно я отдамъ?

Повѣривъ страсти малодушной,
Пойду ли всюду за тобой
Твоей любовницей послушной,
Твоею преданной рабой?

Но цѣпи рабства слишкомъ близки...
О, дай упиться передъ нимъ
Минутной властью одалиски
Надъ повелителемъ своимъ!

———

* * *

Ревнивыхъ мукъ растравленную рану
Ты хочешь скрыть отъ взора моего,
Но я терзать тебя не перестану,
И тайное мнѣ сладко торжество.

Какъ ты смѣшонъ съ твоимъ надменнымъ взоромъ,
Когда огонь твою сжигаетъ грудь!
Иль холодно-спокойнымъ разговоромъ
Ты думаешь мнѣ сердце обмануть?

Я жду, мой другъ, начни безъ промедленій,
На мнѣ тоску и боль свою сорви;
За бѣшенствомъ напрасныхъ оскорбленій
Предвижу я экстазъ твоей любви.

---

*
* *

Мы, сплотясь съ тобою
Противъ бурь и битвъ
Шли на бой съ судьбою
Съ пламенемъ молитвъ.
Но въ душѣ не стало
Прежняго огня.
Другъ мой, я устала,
Поддержи меня!

Я искала счастья
Въ мимолетныхъ снахъ...
Брось мнѣ свѣтъ участья,
Прогони мой страхъ,—
Сердцу миръ даруя
Сказкой о веснѣ.
И, когда умру я,
Помолись о мнѣ.

ЗИМНІЯ ПѢСНИ.

1.

Зачѣмъ такъ блѣдна я, зачѣмъ холодна я,
Зачѣмъ такъ упорно сомкнуты уста? —
О солнцѣ страдая, но солнца не зная,
Какъ плѣнная птичка, томится мечта.
Манитъ ее счастье и доля иная,
Ей чудятся пальмы далекаго края,
Ей снятся: свобода, любовь, красота.
Отъ луннаго свѣта, печальнаго свѣта,
Сбѣжали весеннія краски съ лица.
И бѣдное сердце ничѣмъ не согрѣто,
И проситъ, и молитъ, и жаждетъ отвѣта,
А сумерки длятся — и нѣтъ имъ конца!

Но солнце проглянетъ, — и вспыхнутъ ланиты,
И будутъ уста для лобзаній открыты,
И все, что таилося въ сердцѣ моемъ,
Что крылось подъ маской, холодной и блѣдной,
Прорвется, зажжется, какъ факелъ побѣдный,
Такимъ ослѣпительно-яркимъ огнемъ.
И жизнь озарится безсмертными снами,
Шатрами раскинутся пальмы надъ нами,
И слезы восторга въ глазахъ заблестятъ.
Впервые услышишь ты смѣхъ мой счастливый
И встрѣтишь не прежній, нѣмой и пытливый,
Но смѣлый, но страстный, но радостный взглядъ!

2.

ВѢТКА ТУБЕРОЗЫ.

(Зимняя любовь).

Не страшны зимы угрозы
Тѣмъ, кто любитъ и любимъ;—
Вѣтка бѣлой туберозы
Чащу липъ замѣнитъ имъ.

Чужеземному растенью
Незнакомъ природы гнетъ,—
Полусвѣтомъ, полутѣнью
Тайна дышетъ и живетъ.

Пусть неясны очертанья
Въ тускломъ трепетѣ свѣчей,—
Тѣмъ сильнѣй очарованье,
Тѣмъ признанья горячѣй.

Пусть блѣднѣе будутъ лица
И загадочнѣй черты...
Въ мягкомъ сумракѣ теплицы
Скрыто больше красоты,

Чѣмъ въ сіяньи неба чистомъ,
Въ блескѣ перваго луча,
Въ лепетаньи серебристомъ
Монотоннаго ключа —

Чѣмъ въ ничтожествѣ докучномъ
Тѣхъ же ласкъ и тѣхъ же словъ,
Въ повтореньи однозвучномъ
Надоѣдливыхъ часовъ.

3.

ВѢТЕРЪ.

Холодъ и вьюга. Подъ хлопьями снѣга
Въ сумракѣ трудно дорогу найти.
Кто-то добраться спѣшитъ до ночлега,
Кто-то съ безвѣстнаго сбился пути.

Крикъ твой замретъ, и никто не услышитъ...
Лучше — усни, отдохни отъ заботъ.
Вѣтеръ суровый деревья колышетъ,
Вѣтеръ сугробъ надъ тобой намететъ.

* * *

Розовый свѣтъ. Ароматное тѣло
Блещетъ жемчужной своей наготой,
Гибкіе члены раскинулись смѣло,
Спутались кудри, какъ шлемъ золотой.

Затканъ шелками и розами вышитъ
Пологъ у входа въ таинственный гротъ.—
Вѣтеръ свободный деревья колышетъ,
Вѣтеръ весеннія пѣсни поетъ.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Эванъ, эвоэ! Что смолкли хоры?
Восторгомъ пѣсенъ тѣснится грудь.
Манятъ призывы, томятъ укоры,
Отъ грезъ безплодныхъ хочу вздохнуть.

Къ чему терзанья, воспоминанья?
Эванъ, эвоэ! спѣшимъ на пиръ!
Умолкнутъ пени, замрутъ стенанья
Подъ звонъ тимпановъ, подъ рокотъ лиръ.

Пусть брызжетъ смѣло въ амфоры наши
Изъ сжатыхъ гроздій янтарный сокъ.
Эванъ, эвоэ! поднимемъ чаши,
Нашъ гимнъ прекрасенъ, нашъ міръ высокъ!

Гремите, бубны, звените, струны,
Сплетемте руки,—насъ жизнь зоветъ.
Пока мы въ силахъ, пока мы юны,
Эванъ, эвоэ! впередъ, впередъ!

ОНА И ОНЪ.

(Тріолеты).

I.

Сулитъ блаженство, но не счастье,
Влюбленный взоръ твоихъ очей.
Въ немъ нѣтъ любви, въ немъ нѣтъ участья, —
Ты дашь блаженство, но не счастье,
Лобзаній жадныхъ сладострастье
Во тьмѣ удушливыхъ ночей.
Сулитъ блаженство, но не счастье,
Ревнивый взоръ твоихъ очей.

II.

Лови крылатыя мгновенья,
Они блеснутъ и отзвучатъ.
Не для любви, для вдохновенья —
Лови крылатыя мгновенья;
Мы ищемъ бездну для забвенья,
Намъ для восторга нуженъ адъ.
Лови крылатыя мгновенья,
Они блеснутъ и отзвучатъ.

3*

ВЪ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

— «Улеглись ночныя тѣни
Легкимъ сумракомъ давно;
Бѣлой вѣткою сирени
Я стучу въ твое окно.

Выходи, моя отрада,
И пойдемъ бродить со мной
Въ глубь серебрянаго сада,
Озареннаго луной».—

Смолкли звуки пѣсни милой,
И тихонько изъ окна,
Будто ангелъ бѣлокрылый,
Наклонилася она.

И казалась въ дымкѣ ясной,
Луннымъ свѣтомъ залита,
И печальной, и прекрасной,
Какъ видѣнье иль мечта...

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Ароматной прохладой весны
Потянуло въ окно отпертое;
Все прозрачнѣй становятся сны,
Скоро солнце взойдетъ золотое.

Ночь еще и темна, и тиха,
Но, — мгновенье, и утро проснется,
И призывный рожокъ пастуха
По росистымъ лугамъ пронесется.

Слышенъ взмахъ осторожный крыла
Отъ дремоты очнувшейся птицы...
О, какъ жизнь хороша и свѣтла,
И отрадно сіянье денницы!

И природы мнѣ чудится зовъ; —
Поскорѣе бы въ рощу и въ поле,
Надышаться дыханьемъ цвѣтовъ,
Побродить и помыслить на волѣ.

Дрожь листвы возвѣщаетъ разсвѣтъ...
Но роятся и медлятъ видѣнья...
И не знаю я — сплю я иль нѣтъ,
И томительно жду пробужденья.

Сонъ мой полонъ весеннихъ затѣй
И весеннею нѣгой волнуемъ...
О мой другъ, эти грезы разсѣй,
Ты меня разбуди поцѣлуемъ!

ПРЕДЧУВСТВІЕ ГРОЗЫ.

Въ душу закралося чувство неясное,
Будто во снѣ я живу.
Что-то чудесное, что-то прекрасное
Грезится мнѣ наяву.

Близится туча. За нею тревожно я
Взоромъ слѣжу въ вышинѣ.
Сердце плѣняетъ мечта невозможная,
Страшно и радостно мнѣ.

Вижу я, вѣтра дыханіе вешнее
Гнетъ молодую траву.
Что-то великое, что-то нездѣшнее
Скоро блеснетъ наяву.

Воздухъ темнѣетъ... Но жду беззаботно я
Молніи дальней огня.
Силы небесныя, силы безплотныя,
Вы оградите меня!

---

* *
*

Я томилась весь день. Что-то, властвуя мной,
Приливало мнѣ къ сердцу горячей волной
И, мечтой золотой неустанно дразня,
И звенѣло, и пѣло въ груди у меня.

О, приди!—Улетимъ отъ страданья и слезъ
Къ небесамъ голубымъ, въ царство лилій и розъ,—
Тѣхъ цвѣтовъ, что, мистической тайны полны,
Раскрываясь, впиваютъ сіянье луны.

Выше тучъ, выше горъ недоступныхъ высотъ,
Будетъ чувства просторъ, будетъ мысли полетъ,
Тамъ, въ заоблачныхъ сферахъ, въ лазури, вдали
Отъ ничтожной земли, отъ презрѣнной земли.

О, пойми,—не объятій я жажду твоихъ,—
Жду восторговъ нездѣшнихъ и ласкъ неземныхъ,
Чтобы взоры, какъ звѣзды, остались чисты,
Чтобъ несмятыми были подъ нами цвѣты.

---

* * *

Я видѣла пчелу. Отставшая отъ роя,
Подъ бременемъ заботъ и суеты дневной —
Вилась она, ища прохлады и покоя,
Въ палящій лѣтній зной.

И алый макъ полей, дарующій забвенье,
Ей отдалъ влагу росъ и медомъ напоилъ.
Усталая пчела нашла отдохновенье,
Источникъ новыхъ силъ.

Когда же серпъ луны взошелъ надъ спящей нивой
И вечеръ наступилъ, и благостенъ, и тихъ,
Она вернулась вновь въ свой улей хлопотливый.
— Я жажду губъ твоихъ! —

ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ.

Мы остались вдвоемъ,—и летѣли мгновенья...
Я ждала, замирая, томясь и любя.
Я искала восторга, искала забвенья,
Я любила тебя, я желала тебя.

И подъ бременемъ грезъ опустились рѣсницы,
И сомкнулись—въ предчувствіи сладкомъ—онѣ.
И сплелись мы съ тобою, какъ вольныя птицы,
Чей полетъ мы ревниво слѣдимъ въ вышинѣ.

И надолго забылась я въ странномъ мечтаньѣ:
Мнѣ казалось, что пальмы надъ нами шумятъ,
И звучало невидимыхъ арфъ трепетанье,
И цвѣтовъ неизвѣстныхъ забилъ ароматъ.

Какъ листокъ, увлеченный теченьемъ потока,
Иль дыханіемъ бури—песчинказ емли,
Въ этотъ мигъ унеслась я далеко, далеко,
Утонула въ лазури, въ безбрежной дали...

Но сквозь облако сна и туманъ сладострастья,
О, какой мнѣ сіялъ безконечный экстазъ
На лицѣ дорогомъ, поблѣднѣвшемъ отъ счастья,
Въ глубинѣ затемненныхъ и меркнущихъ глазъ!

НО НЕ ТЕБѢ.

Въ любви, какъ въ ревности, не вѣдая предѣла,—
Ты правъ,—безжалостной бываю я порой.
Но не съ тобой, мой другъ! Съ тобою я-бъ хотѣла
Быть ласковой и нѣжною сестрой.

Сестрою ли?.. О, ядъ несбыточныхъ мечтаній,
Ты въ кровь мою вошелъ и отравилъ ее!
Изъ мрака и лучей, изъ странныхъ сочетаній—
Сплелося чувство странное мое.

Не упрекай меня, за счастіе мгновенья,
Другимъ, быть можетъ, я—страданья принесу,
Но не тебѣ, мой другъ!—тебѣ восторгъ забвенья
И сладкихъ слезъ небесную росу.

ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Гдѣ ты, гордость моя, гдѣ ты, воля моя?
Отъ лобзаній твоихъ обезсилила я...
Столько тайнъ и чудесъ открывается въ нихъ,
Столько новаго счастья въ объятьяхъ твоихъ!

Я безстрастна была, безучастна была,
И мой царскій вѣнецъ ты похитилъ съ чела.
Но сжимай, обнимай—горячѣй и сильнѣй,
И царица рабынею будетъ твоей.

Ты былъ кротокъ и золъ, ты былъ нѣжно-жестокъ,
Очарованнымъ сномъ усыпилъ и увлекъ,
Чтобъ во снѣ, какъ въ огнѣ, замирать и горѣть,
Умирая, ласкать—и отъ ласкъ умереть!

ЛІОНЕЛЬ.

Ліонель, пѣвецъ луны,
Любитъ призрачные сны,
Зыбь болотнаго огня,
Трепетъ листьевъ и—меня.

Кроютъ мысли торжество
Строфы легкія его,
Нѣжатъ слухъ, и дышетъ въ нихъ
Запахъ лилій водяныхъ.

Ліонель, мой милый братъ,
Любитъ меркнущій закатъ,
Ловитъ блѣдные слѣды
Пролетающей звѣзды.

Жадно пьетъ его душа
Тихій шорохъ камыша,
Крики чаекъ, плескъ волны,
Вздохи «вольной тишины».

Ліонель, любимецъ мой,
Днемъ—безстрастный и нѣмой,
Оживаетъ въ мглѣ ночной
Съ луннымъ свѣтомъ и—со мной,

И, когда я запою,
Онъ забудетъ грусть свою,
И прижметъ къ устамъ свирѣль
Мой пѣвецъ, мой Ліонель.

---

* * *

Посмотри, — блестя крылами,
Средь лазоревыхъ зыбей,
Закружилася надъ нами
Пара бѣлыхъ голубей.

Вотъ они, сплетая крылья,
Безъ преградъ и безъ утратъ,
Полны нѣги и безсилья,
Въ знойномъ воздухѣ парятъ.

Имъ однимъ доступно счастье,
Незнакомое съ борьбой.
Это счастье — сладострастье,
Эта пара — мы съ тобой!

---

* * *

Уснуть, уснуть, уснуть!.. Какое наслажденье
Забыть часовъ унылыхъ звонъ...
О, пусть не минетъ насъ отрава пробужденья,—
Зато какъ сладокъ будетъ сонъ!

Когда-жъ настанетъ день, и вновь разсудокъ бѣдный
Опутаетъ сомнѣній сѣть,—
Мой другъ, готова я съ улыбкою побѣдной
Тебя обнять—и умереть.

ЛАНДЫШЪ.

Этотъ ландышъ лѣсной,
Благодатной весной,
Распустился при ясной лунѣ.
И дыханье весны,
И весенніе сны
Отразилъ онъ въ своей глубинѣ.

Я убила его —
И всю ночь оттого
Замирала, томясь въ забытьи.
Этотъ майскій цвѣтокъ
Былъ безстрастно-жестокъ,
Онъ напомнилъ мнѣ ласки твои.

И всю ночь онъ мнѣ мстилъ,
Онъ мнѣ мстилъ и томилъ,
Навѣвая несбыточный сонъ...
И баюкалъ меня,
Ароматно звеня,
Колокольцевъ серебряныхъ звонъ.

---

*
* *

Пусть разрывъ жестокъ и неминуемъ,
Сны блаженства свѣтятъ впереди.
Темный знакъ, прожженный поцѣлуемъ,
Я храню на мраморѣ груди.

И таю до праздника забвенья—
Отъ ревнивыхъ взоровъ и тревогъ—
Этотъ слѣдъ безсмертнаго мгновенья
И грядущихъ радостей залогъ.

ЭТО ТЫ?

Нѣтъ прохлады надъ потокомъ,
Всюду зной и тишина.
Но въ томленьи одинокомъ
Мнится мнѣ,—я не одна.

Кто-то робкій еле дышетъ
На спаленные цвѣты,
Травы сонныя колышетъ,
Что-то шепчетъ... Это ты?

Кто одежды легкой складки
Шевельнулъ и съ темныхъ косъ,
Разметавъ ихъ въ безпорядкѣ,
Ленту бѣлую унесъ?

И, кружа ее надъ нивой,
Кто концомъ моей фаты
Съ лаской нѣжной и ревнивой
Станъ обвилъ мнѣ? Это ты?

Это ты, чей гнетъ суровый
Такъ жестокъ для южныхъ странъ,
Гдѣ клубишь ты съ силой новой
Грозныхъ смерчей ураганъ.

4*

Гдѣ ты мчишься вмѣстѣ съ тучей,
Гнешь деревья, рвешь листы,
И коварный, и могучій,
И незримый, это ты!

---

* * *

Нивы необъятныя
Зыблются едва,
Шепчутъ сердцу внятныя,
Кроткія слова.

И колосья стройные
Въ мирной тишинѣ
Сны сулятъ спокойные,—
Но не мнѣ, не мнѣ!

Звѣзды блещутъ дальнія
Въ безпредѣльной мглѣ;
Глуше и печальнѣе
Стало на землѣ.

И томятъ мгновенія
Въ мертвой тишинѣ.
Ночь даетъ забвеніе,—
Но не мнѣ, не мнѣ!

ДВОЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Приблизь твое лицо, склонись ко мнѣ на грудь,
Я жажду утонуть въ твоемъ прозрачномъ взорѣ,
Въ твои глаза хочу я заглянуть,
Зеленовато-синіе, какъ море.

Въ ихъ влажной глубинѣ, какъ въ безднѣ водяной,
Два призрака мои притягиваютъ взгляды.
Въ твоихъ зрачкахъ двоится образъ мой,
Въ нихъ *двѣ меня* смѣются, какъ наяды.

Но въ глубь души твоей вглядѣться страшно мнѣ,
И странное меня томитъ предубѣжденье:
Не тожественныхъ скрыто тамъ на днѣ,
А два взаимно-чуждыхъ отраженья.

СОПЕРНИЦѢ.

Да, вѣрю я, она прекрасна,
Но и съ небесной красотой
Она пыталась бы напрасно
Затмить вѣнецъ мой золотой.

Многоколоненъ и обширенъ
Стоитъ сіяющій мой храмъ;
Тамъ въ благовоніи кумиренъ
Не угасаетъ ѳиміамъ.

Тамъ я царица! Я владѣю
Толпою риѳмъ, моихъ рабовъ;
Мой стихъ, какъ бичъ, виситъ надъ нею
И безпощаденъ, и суровъ.

Пѣвучій дактиль плескомъ знойнымъ
Смѣняетъ ямбъ мой огневой;
За анапестомъ безпокойнымъ
Я шлю хореевъ свѣтлый рой.

И строфы звучною волною
Бѣгутъ послушны и легки,
Свивая избранному мною
Благоуханные вѣнки...

Такъ проходи же! Прочь съ дороги!
Разсудку слабому внемли:
Гдѣ свой алтарь воздвигли боги,
Не мѣсто призракамъ земли!

О, пусть зовутъ тебя прекрасной,
Но красота—цвѣтокъ земной—
Померкнетъ блѣдной и безгласной
Предъ зазвучавшею струной!

---

* * *

Если прихоти случайной
И мечтамъ преграды нѣтъ,—
Розой блѣдной, розой чайной
Воплоти меня, поэтъ!

Двухъ оттѣнковъ сочетанье
Звонкой риѳмой славословь:
Желтый—ревности страданье,
Нѣжно-розовый—любовь.

Вспомни блещущія слезы,
Полуночную росу,
Блѣдной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкій, сладкій и пахучій
Ароматъ ея живой
Въ дивной музыкѣ созвучій,
Въ строфахъ пламенныхъ воспой.

И освѣтитъ лучъ побѣдный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы блѣдной
И тоску, и торжество.

---

* * *

Эти риѳмы — твои иль ничьи,
Я узнала ихъ говоръ пѣвучій,
Съ ними пѣсни звенятъ, какъ ручьи,
Перезвономъ хрустальныхъ созвучій.

Я узнала прозрачный твой стихъ,
Полный образовъ сладко-туманныхъ,
Сочетаній нежданныхъ и странныхъ,
Арабесокъ твоихъ кружевныхъ.

И, внимая напѣвамъ невнятнымъ,
Я желаньемъ томлюсь непонятнымъ:
Я-бъ хотѣла быть риѳмой твоей,
Быть, какъ риѳма, — твоей иль ничьей.

---

* * *

Если хочешь быть любимымъ нѣжно мной,
Ты меня сомнѣньями не мучь,
Пусть надъ страстью чистой, но земной,
Свѣтитъ вѣры неугасный лучъ.

Если хочешь силу знать любви моей,—
Разгони тревогъ ревнивыхъ рой;
Ты въ глаза мои гляди яснѣй,
Ты завѣтныхъ думъ своихъ не крой.

Если кубокъ жаждешь ты испить до дна,
Не страшись отдаться сладкимъ снамъ.
И возьмемъ мы все, чѣмъ жизнь полна,
Что доступно лишь богамъ и намъ!

НЕБЕСНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

На закатѣ безплоднаго дня
Распустился цвѣтокъ голубой.
Слишкомъ поздно тебя я нашла,
Слишкомъ рано разсталась съ тобой.

Онъ такъ нѣжно расцвѣлъ, но въ лучахъ
Угасавшихъ раскрыться не могъ.
О, какъ горько нѣмой поцѣлуй
Безотвѣтныя губы обжегъ!

И завялъ ароматный цвѣтокъ,
И лазурной коронкой поникъ.
Никогда, никогда, никогда—
Не вернешь ты потерянный мигъ!

---

* * *

О, другъ мой! если въ часъ ночной
Тебя замучаютъ видѣнья,
Зови меня, побудь со мной
Въ странѣ межъ сна и пробужденья.

Сольются тѣни. Мы вдвоемъ.
Я не ропщу! Я не ревную...
Ты въ сладкомъ имени моемъ
Найдешь отраду неземную.

И дни, сотканные судьбой,
Въ туманныхъ двигнутся картинахъ...
И будетъ духъ мой надъ тобой
Витать на крыльяхъ голубиныхъ.

И лучъ немеркнущей любви
Прорѣжетъ сумракъ заблужденья...
Ко мнѣ, мой другъ! Меня зови,
Когда колеблются видѣнья.

---

* * *

Ты будешь моимъ, нераздѣльно моимъ,
Томимый, какъ жаждой, желаньемъ однимъ.
Но ласкъ запоздалыхъ не вытравишь ложь,
Но взоровъ усталыхъ мечтой не зажжешь.

И будемъ мы вмѣстѣ, и будемъ вдвоемъ,
Но сердце знакомымъ не вспыхнетъ огнемъ;
Подъ гнетомъ былого замру я опять
И буду другого въ мечтахъ призывать.

---

* * *

Избравъ свой путь, я шествую спокойно.
Ты хочешь слезъ моихъ?—
Мой стихъ звучитъ увѣренно и стройно,—
Ты не увидишь ихъ.

Нѣтъ мѣста снамъ, ни радостной надеждѣ
Въ больной душѣ моей.
Не вѣрю я, не вѣрю я, какъ прежде,
Въ разсвѣтъ грядущихъ дней.

Все та же я; но избранный отнынѣ
Тернистъ мой путь земной.
Тернистъ мой путь, затерянный въ пустынѣ,—
Ты не пойдешь за мной.

Темно вокругъ. Чуть брезжетъ свѣтъ далекій
Блуждающихъ огней.
И гибну я, и гибну—одинокой,
Но не рабой твоей.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Приди, приди,
Весенній день!
Въ моей груди
Расторгни тѣнь.
Ужъ таетъ снѣгъ,
Ужъ ломокъ ледъ,
И слышенъ бѣгъ
Свободныхъ водъ.

Съ волной волна
Журчитъ, звеня,
Поетъ она
Про царство дня.
Блесни же намъ,
Весенній день,
Дай жизнь лугамъ,
Лѣса одѣнь!

---

* * *

Смотри, смотри,
Какъ я блѣдна!
Я до зари
Не знаю сна...
Боюсь вздохнуть,
Томлюсь въ слезахъ,
И давитъ грудь
Неясный страхъ.

Взгляни, взгляни,
Какъ стражду я!..
Замри, усни,
Тоска моя!
Пробившій часъ
Вернешь ли чѣмъ?—
Въ комъ свѣтъ угасъ,
Тотъ глухъ и нѣмъ.

---

* * *

Моя душа, какъ лотосъ чистый,
Въ томленьи водной тишины,—
Вскрываетъ вѣнчикъ серебристый
При кроткомъ таинствѣ луны.

Твоя любовь, какъ лучъ туманный,
Струитъ нѣмое волшебство.
И мой цвѣтокъ благоуханный
Завороженъ печалью странной,
Пронизанъ холодомъ его.

ОСЕННІЯ МЕЛОДІИ.

1.

ПОРА ЛЮБВИ.

О, нѣтъ, пора любви—не свѣтлая весна,
Разлюбленная мной;
Въ ней день шумливъ и слишкомъ ночь ясна,
Истома, грусть, покоя нѣтъ, ни сна,
Порывы странные, стремленья въ міръ иной...
Я не могу любить весной.

И въ душный лѣтній зной томительна любовь—
Цвѣтокъ ночной она.
Ей дай туманъ, завѣсы приготовь,
Съ восходомъ солнца спрячется любовь,
Свой кубокъ золотой не осушивъ до дна.—
Нѣтъ, въ лѣтній зной я холодна.

Любовь мою живитъ лишь меркнущій закатъ,
Гдѣ вздохи разлиты,
Увядшихъ травъ осенній ароматъ,
Послѣдній блескъ подъ сумракомъ утратъ,
И вспышки дерзкія, и жадныя мечты
Больной, но сладкой красоты.

2.

У КАМИНА.

Пасмурно. Дождь зарядилъ утомительно.
Холодно, сыро, темно.
Сѣрые будни проходятъ медлительно,
Сердцу вздохнуть не дано.

Крупныя капли, какъ слезы безплодныя,
Въ окна тоскливо стучатъ.
Только мечты не уснули свободныя,
Только желанья не спятъ.

Игры въ каминѣ ведя прихотливыя,
Въ пляскѣ дрожатъ огоньки.
Къ свѣту прикованы взоры пытливые,
Мысли мои далеки.

Жажду возстать я отъ сна непробуднаго,
Мертвенный сбросить покровъ.
Жажду я тайнаго, страшнаго, чуднаго,
Огненно-красныхъ цвѣтовъ...

Осень стремленья зажгла безпокойныя,
Сердце змѣей обвила.
Снятся мнѣ образы, образы стройные,
Гибкія снятся тѣла.

Слышу я возгласы скопища бурнаго,
Близкія вижу уста...
Блещетъ въ потокѣ сіянья пурпурнаго
Мраморныхъ ногъ красота.

Чьи наслажденья равняются съ нашими
Въ мірѣ нездѣшнихъ утѣхъ?!—
Спѣлыя гроздья сожмутся надъ чашами,
Дерзкій послышится смѣхъ!

Будутъ измятыя розы и лиліи
Брошены въ пламя костра...
Будутъ кружиться и падать въ безсиліи,
Будутъ плясать до утра!..

Силы изсякнутъ, и въ мигъ пресыщенія
Въ сердце сойдетъ тишина.—
Холодно... тускло... исчезли видѣнія,
Гаснетъ каминъ. Я одна.

Искры чуть тлѣютъ, и уголья черные
Яркіе скрыли огни.—
Пепломъ засыпьтесь, мечты непокорныя,
Въ мракѣ, душа, отдохни...

3.

ДѢТИ ЛАЗУРИ.

Колеблются вѣтви дыханіемъ бури,
И пасмурно всюду, и грустно вездѣ.
Мы, вольныя птицы, мы, дѣти лазури,
Укрылись отъ холода въ тепломъ гнѣздѣ.

Прижавшись другъ къ другу, внимаемъ спокойно
Напѣвамъ безъ звуковъ и гимнамъ безъ словъ.
Мы счастливы вмѣстѣ. Намъ сладко, намъ знойно
Подъ тѣнью ненастной сѣдыхъ облаковъ.

Пусть мглой и туманомъ природа одѣта,
Пусть множатся сонмы разорванныхъ тучъ—
Мы—дѣти лазури, мы—геніи свѣта,
Надъ нами сіяетъ немеркнущій лучъ!

И хмурая осень намъ кажется маемъ,
И въ бурю намъ снятся весенніе сны.
Мы жизнью играемъ, мы пѣсни слагаемъ,
Безпечныя пѣсни во славу весны.

И пусть тамъ летятъ не мгновенья, а годы,
Живутъ, умираютъ, смѣясь иль стеня.—
Мы—вольныя птицы, мы—дѣти свободы,
Мы тонемъ въ лазури безбрежнаго дня!

II

ФАНТАЗІИ

РАЗБИТАЯ АМФОРА.

Гдѣ снѣгомъ увѣнчаны горы
И солнце палитъ горячо,
Подъ гнетомъ тяжелой амфоры
Устало нагое плечо.

Въ пути изнемогшая рано,
Отъ дышащихъ зноемъ полей
Спѣшила я въ царство тумана,
Неся драгоцѣнный елей.

И вслѣдъ мнѣ напрасно звучали
Напѣвы родныхъ голосовъ;
Стремилась я къ новой печали,
На грезъ неизвѣданныхъ зовъ.

Стремилась къ невѣдомой цѣли,
Къ видѣньямъ, тонувшимъ вдали.
Лазурные своды зардѣли,
Лиловыя тѣни легли.

И тихо, въ мечтаньи цвѣтистомъ,
Провидя грядущіе сны,
Склонилась я къ лиліямъ чистымъ,
Къ нарцисамъ саронской страны.

Раздался упавшей амфоры
Глухой и надтреснутый звонъ...
Умолкли незримые хоры,
Песками мой путь занесенъ...

О, еслибъ хоть вѣтеръ пустыни
Мой вздохъ подхватилъ и домчалъ
Туда, гдѣ, спокойны и сини,
Вздымаются призраки скалъ!

Гдѣ лижутъ прохладныя волны
Незнающій жажды гранитъ,
Гдѣ ночи сіянія полны
И полдень огнемъ не томитъ.

Гдѣ чайки семьей беззаботной
Для моря забыли утесъ...
О, еслибъ хоть вѣтеръ залетный
Мой вздохъ подхватилъ и донесъ!

И слезы туманятъ мнѣ око.
Я вижу вверху надъ собой—
Два голубя, взвившись высоко,
Порхнули въ просторъ голубой

И скрылись... И пара другая
Взлетѣла,—и слѣдомъ за ней,
Какъ снѣжные хлопья, мелькая,
Помчались стада голубей.

О голуби, свѣтлыя птицы,
Несите вы скорбную вѣсть,
Что сонъ мнѣ смежаетъ рѣсницы,
И грезы готовы отцвѣсть!

Что меркнутъ усталые взоры
И жизнь догораетъ моя.
Изъ жерла разбитой амфоры
Янтарная плещетъ струя.

Скажите приморскому краю,
Что пролитъ безцѣнный елей,
Что, падая, я умираю
Средь лилій саронскихъ полей.

ВАМПИРЪ.

I.

О Боже мой! Твой кротокъ ликъ,
Твоихъ щедротъ не перечесть,
Твой міръ прекрасенъ и великъ,
Но не для всѣхъ въ немъ мѣсто есть.

Мнѣ блещетъ хоръ Твоихъ свѣтилъ,
И трепетъ звѣздъ, и солнца свѣтъ,
Но день докучный мнѣ не милъ,
А ночью мнѣ забвенья нѣтъ.

Лишь только очи я сомкну,—
Какъ чья-то тѣнь ко мнѣ прильнетъ,
Прерветъ глухую тишину,
Аккорды скорбные внесетъ.

И мучась, мучась безъ конца
Отъ боли властной и тупой,
Туманно-блѣднаго лица
Я вижу обликъ надъ собой.

Я жгучей сѣтью обвита,
Глядитъ мнѣ въ очи взглядъ змѣи,
И ненасытныя уста
Въ уста впиваются мои...

Куда бѣжать, кого мнѣ звать?—
Мой взоръ дремотою повитъ...
Какъ смертный одръ—моя кровать...
Недвижно тѣло... воля спитъ...

И мнится мнѣ:—звучитъ прибой
Подъ чуждымъ небомъ дальнихъ странъ;
Лепечетъ, ропщетъ самъ съ собой,
Свивая волны, океанъ.

Прибой ростетъ, прибой гремитъ,
И вотъ, изъ бездны водяной
Всплываютъ сонмы нереидъ,
Осеребренные луной.

Чело безъ облака тревогъ,
Покой въ улыбкѣ роковой,
И рыбьи плесы вмѣсто ногъ
Блестятъ стальною чешуей...

Но меркнутъ звѣзды,—близокъ день,—
Потухъ огонь въ моей крови...
Уйди, мучительная тѣнь,
Уста нѣмыя оторви!

Прерви проклятый поцѣлуй,—
Прибой ростетъ, прибой гремитъ
О торжествѣ прохладныхъ струй,
О ликованьи нереидъ!

II.

Бѣжала я во мракъ ночной
Отъ чаръ покинутой постели.
Ужасный духъ гнался за мной;
Чрезъ рвы и кручи мы летѣли.

Бѣжала я отъ ложа нѣгъ,
Гдѣ духъ терзалъ меня влюбленный,—
То былъ безстрашный, дикій бѣгъ,
Нездѣшней силой окрыленный.

Въ лѣсахъ встрѣчалъ насъ шумъ и гамъ,
Намъ гулко вторили утесы,
И бились, бились по ногамъ
Мои распущенныя косы.

— О, духи свѣта, духи дня,
Ко мнѣ! Мой умъ изнемогаетъ...
Вампиръ преслѣдуетъ меня,
Одежды легкія хватаетъ! —

Такъ умоляла я, стеня.
И прояснѣлъ востокъ туманный,
И духи свѣта, духи дня,
Взмахнули ризой златотканной.

Скрестилось пламя надо мной
Мечей, исторгнутыхъ изъ ноженъ,
Взвиваясь, гонитъ мракъ ночной,
И врагъ въ безсильи уничтоженъ.

И дальней тучки волокно
Зажглось отливомъ перламутра.
Очнулась я.—Въ мое окно
Дышало радостное утро.

ГРЕЗЫ БЕЗСМЕРТІЯ.

Тамъ, на островѣ міра великаго,
Полюбила я друга прекраснаго,
Пышнокудраго, радостно-яснаго,
Свѣтлоликаго.
Прилеталъ онъ съ закатомъ докучнаго дня
И до утра гостилъ у меня.

Ниспадали покровы туманные
На одежды его многоцвѣтныя,
Были рѣчи безсвязны отвѣтныя
И загадочны—взоры странные.
Алыхъ маковъ, пылавшихъ пурпурнымъ огнемъ,
Былъ вѣнокъ благовонный на немъ.

Онъ мнѣ сказки шепталъ вдохновенныя,
Навѣвалъ мнѣ видѣнія знойныя:
То безгрѣшныя, то безпокойныя,
То блаженныя.
Въ заповѣдную даль, въ золотые края
Съ нимъ мечта улетала моя.

Но, отъ шума дневного усталая,
Изнывая отъ мукъ безъ названія,
Разъ, въ томительный мигъ разставанія,
Вся въ слезахъ, ему прошептала я:
— «О мой другъ, безъ тебя мнѣ такъ грустно одной,
Отчего ты не вѣчно со мной?»

И сказалъ онъ: «Что можетъ быть вѣчнаго?
И вѣка промелькнутъ, какъ мгновенія.
На землѣ не найдешь ты забвенія
Безконечнаго».
И со вздохомъ въ лучахъ восходящаго дня
Онъ исчезъ, онъ покинулъ меня.

Но въ часы одиночества скучнаго
Я блаженства ждала совершеннаго,
Я, сгорая, звала неизмѣннаго,
Друга вѣрнаго, неразлучнаго.
И предсталъ онъ и тѣнью взволнованныхъ крылъ,
Черной тѣнью меня осѣнилъ.

И взглянулъ онъ съ улыбкой привѣтною,
И чела, отягченнаго думою,
Отягченнаго думой угрюмою,
Безпросвѣтною,
И очей, и груди, истомленной тоской,
Онъ коснулся цѣлящей рукой.

И я сбросила плоть утомленную,
Я вериги сняла безполезныя,
И въ далекія сферы, надзвѣздныя,
Обновленную, просвѣтленную,
Онъ вознесъ меня къ свѣту безбрежнаго дня,
Чтобъ вовѣкъ не покинуть меня.

III

МОЛОХЪ

(ПѢСНИ ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ)

1.

—„Moloch, tu me brûles!“
„Salammbo“, XI, Flaubert

Ты жжешь меня, Молохъ!—Лишь только вольной птицей
Готова мысль моя въ лазури утонуть,—
Ты сѣтью огненной мою сжимаешь грудь.
И грезы яркія усталой вереницей
Опустятся на бренные цвѣты,
И въ необъятности лазурной
Вся ширь небесной красоты—
Потеряна для вспышки бурной
Подъ пепломъ тлѣющей мечты.

Ты жжешь меня, Молохъ! Глумясь надъ мукой скрытой,
Надъ сердцемъ, надъ умомъ и волею моей,—
На дѣвственный расцвѣтъ моихъ весеннихъ дней
Ты, злобствуя, дохнулъ отравой ядовитой.
Ты дѣтскимъ снамъ суровый далъ отвѣтъ,
Безуміемъ зажегъ мнѣ очи,
Затмилъ восторги лучшихъ лѣтъ,
Повивъ въ покровы мрачной ночи
Непобѣдимый вѣчный свѣтъ.

6*

Ты жжешь меня, Молохъ! Но не рабой покорной,
Со скрежетомъ зубовъ плачу я дань тебѣ.
И, духомъ сильная, не падаю въ борьбѣ.
Туда, на высоту, мой путь змѣится торный,
Гдѣ ждетъ покой иного бытія.
И, вольная, какъ вѣтеръ вешній,
Поетъ о счастьи пѣснь моя,
Быть можетъ, чище и безгрѣшнѣй
Призывныхъ трелей соловья.

2.

Мы съ тобой въ эту ночь были оба дѣтьми,
О мой другъ!
Мы съ тобой въ эту ночь были оба дѣтьми,
Но теперь, если мракъ насъ обступитъ вокругъ,—
Опоясанъ кольцомъ холодѣющихъ рукъ,
Поцѣлуемъ ты губы мои разожми,
Ты меня утоми.

Если раны не зажили въ сердцѣ твоемъ,—
О забудь!
Если раны не зажили въ сердцѣ твоемъ,
Успокой эту боль, заглуши какъ-нибудь,
Хоть на мигъ отдохни, хоть на мигъ дай вздохнуть!
Если долгая ночь насъ застанетъ вдвоемъ,
Позабудь обо всемъ.

Если струны звучатъ,—пусть порвутся, звеня,
О мой другъ!
Если струны звучатъ, пусть порвутся, звеня,
Мы раздвинемъ цѣпей заколдованный кругъ,—
Неизвѣданныхъ ласкъ будетъ сладокъ недугъ...
И тоской, незнакомой съ сіяніемъ дня,
Истомишь ты меня!

3.

Я жажду наслажденій знойныхъ
Во тьмѣ потушенныхъ свѣчей,
Утѣхъ блаженно-безпокойныхъ,
Изъ вздоховъ сотканныхъ ночей.

Я жажду знойныхъ наслажденій,
Нездѣшнихъ ласкъ, безсмертныхъ словъ,
Неописуемыхъ видѣній,
Неповторяемыхъ часовъ.

Я наслажденій знойныхъ жажду,
Я жду божественнаго сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходитъ жизнь,—и я одна!

4.

МОЙ САДЪ.

Юный мой садъ и цвѣтущъ, и богатъ,
Розы струятъ въ немъ живой ароматъ,
Яркія,—будто раскрытыя жадно уста,
Матово-блѣдныя,—дѣвственныхъ плечъ красота,
Чуть розоватыя,—щекъ заалѣвшихся цвѣтъ,
Есть и другія,—которымъ сравненія нѣтъ.
Нѣтъ имъ сравненья, но дышутъ онѣ и цвѣтутъ,
Въ зноѣ томятся—и бури, какъ счастія, ждутъ.

. . . .

Вихри, сомните махровые вѣнчики розъ!
Тучи, несите имъ громы сверкающихъ грозъ!
Жгите ихъ, молніи, чистымъ небеснымъ огнемъ,—
Пусть отживаютъ весеннимъ ликующимъ днемъ!—
Въ полномъ расцвѣтѣ, безъ жалкихъ утратъ,
Пусть умираетъ и гибнетъ мой садъ!

5.

ПѢСНЬ РАЗЛУКИ.

Слыхалъ ли ты, какъ плачетъ вѣтеръ Юга
О рощахъ пальмъ, забытыхъ вдалекѣ,
Когда отъ мукъ смертельнаго недуга
И злится онъ, и мечется въ тоскѣ?

Видалъ ли ты, какъ вянутъ въ полдень розы,
Едва успѣвъ раскрыться и расцвѣсть,
Подъ зноемъ дня, когда замедлятъ грозы
Нести дождя живительную вѣсть?

Знавалъ ли ты безплодное страданье
Отъ жгучихъ грезъ, рождаемыхъ въ бреду?
Поймешь ли ты, что значитъ ожиданье,
Поймешь ли ты, что значитъ слово: «жду!»

6.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Осенній дождь утихъ—
И слышно листьевъ тлѣнье.
Я жажду ласкъ твоихъ,
Я жажду ихъ —
Мое томленье!

Приди!—Въ мертвящій день
Внеси дыханье бури,
Любовь мою одѣнь
Въ лучи и тѣнь,
И блескъ лазури.

Съ тобой и подъ дождемъ,
И въ сумракѣ ненастья,
Горя однимъ огнемъ,
Найдемъ вдвоемъ
Тепло и счастье!

7.

Я обниму тебя такъ крѣпко, что тоска,
Сжимавшая мнѣ грудь въ отчаяньи разлуки,
Утихнетъ и замретъ, и будетъ далека,
И будутъ мниться сномъ пережитыя муки.

Я обниму тебя такъ жарко, что сильнѣй
Не станетъ жечь огонь негаснущій Эреба,
Который ждетъ меня за счастье этихъ дней,
За то, что для тебя я отреклась отъ неба.

Я обниму тебя такъ нѣжно, что въ раю
Святые ангелы, изъ выси недоступной
Взирая на любовь безмѣрную мою,
Не назовутъ ее нечистой и преступной!

IV

П О Э М Ы

ЛЮБОВЬ И БЕЗУМІЕ.

(Фантастическая поэма).

I.

День обрученья моего,
Желанный день насталъ.
Сегодня въ замкѣ въ честь него
Дается пышный балъ.

Спѣшу одѣться я, но тутъ
Я вижу, поблѣднѣвъ,
Мнѣ платье бѣлое несутъ,
Нарядъ воздушный дѣвъ.

О, нѣтъ! заклятія печать
Лежитъ на бѣломъ всемъ.
И въ бѣломъ буду я лежать,
Уснувъ послѣднимъ сномъ.

Мнѣ дайте розовый нарядъ.
Въ немъ красота моя
Живѣй и ярче, говорятъ,—
Прекрасной буду я.

Несутъ цвѣты. Къ чему они
Съ ихъ блѣдностью нѣмой?
Иль сочтены младые дни
И гробъ готовятъ мой?

Мнѣ дайте розъ, махровыхъ розъ,
И лучшій мой уборъ,
Но не жемчужный,—символъ слезъ,
Что мнѣ туманятъ взоръ.

Ужасный сонъ разбилъ мечты,
И счастье, и покой...
Съ тѣхъ поръ всѣ мысли заняты
Лишь смертью и тоской.

Хочу забыть, хочу уснуть,
Воскреснуть къ жизни вновь...
Не странно-ль, горе давитъ грудь,
Когда въ душѣ любовь?

II.

Пестрѣлъ, шумѣлъ старинный залъ
Нарядною толпой,
И на рукѣ моей сверкалъ
Завѣтный перстень мой.

А вотъ и кубки налиты,
Веселый слышенъ звонъ,
И поздравленья, и цвѣты
Летятъ со всѣхъ сторонъ.

И страхъ въ душѣ моей утихъ,
Мечтаньямъ рай отдавъ.
Ко мнѣ подходитъ мой женихъ,
Робертъ, венгерскій графъ.

И грянулъ вальсъ, и какъ огнемъ
По жиламъ пробѣжалъ.
Всѣ разступились. Съ нимъ вдвоемъ
Мы открываемъ балъ.

— «Робертъ, Робертъ! вашъ чудный взоръ
Такъ жжетъ меня зачѣмъ?
Двухъ душъ неслышный разговоръ,
Боюсь, понятенъ всѣмъ».—

А вальсъ и нѣжитъ, и томитъ...
То правда иль мечта?
Какъ будто зарева ланитъ
Коснулися уста?

О, сердце, сердце, оживи,
Воскресни и ликуй!
То былъ любви, самой любви
Незримый поцѣлуй!

За мыслью мысль летитъ стрѣлой,
И все смѣшалось вдругъ,
И все слилося предо мной
Въ одинъ блестящій кругъ.

И въ мірѣ звуковъ и огня,
Въ объятіяхъ своихъ,
Сжималъ меня и жегъ меня
Прекрасный мой женихъ.

III.

Проѣхать мимо долженъ онъ...
Скорѣй къ окну, скорѣй!
Сбылся, сбылся ужасный сонъ,
И смерть въ груди моей!

Народъ толпится подъ окномъ,
Должно быть, конченъ судъ;
Подъ чернымъ траурнымъ сукномъ
Уже коня ведутъ.

Я выбѣгаю на балконъ...
О Боже, пощади!
Сбылся, сбылся ужасный сонъ,—
И смерть въ моей груди.

Осанку гордую храня,
Поводья въ руки взявъ,
Садится тихо на коня
Робертъ, венгерскій графъ.

Въ немъ отблескъ прежней красоты,
Но блѣденъ воскъ чела,
И на небесныя черты
Земная грусть легла.

Во взорѣ, пламенномъ дотоль,
Видна тоска одна
И кудри, черныя какъ смоль,
Заткала сѣдина.

Но тотъ же все надменный видъ
Съ поднятой головой,
Напрасно реквіемъ звучитъ
И дробный слышенъ бой;

И надъ шумливою толпой
Высокій эшафотъ,
Въ дали чернѣя огневой,
Ревниво жертвы ждетъ.

Ему цвѣты бросаю я...
О Боже! Этотъ взоръ!..
Навѣки въ немъ душа моя
Прочла свой приговоръ.

О чемъ такъ страстно молитъ онъ?
О, сжалься, пощади!..
Сбылся, сбылся ужасный сонъ,
И смерть въ моей груди!

IV.

— Какъ онъ красивъ, какъ онъ богатъ!
Шептала я, надѣвъ.
Вѣнчальный бѣлый мой нарядъ,
Нарядъ воздушный дѣвъ.

О, какъ нѣжны, какъ хороши
Вы, блѣдные цвѣты,—
Эмблема дѣвственной души,
Невинной чистоты.

Къ чему отчаянье и страхъ
Прошедшихъ дней моихъ?
Онъ живъ, онъ мой и въ небесахъ,
Возлюбленный женихъ!

Насъ ждетъ тамъ счастье безъ конца,
Блаженный ждетъ пріютъ,
Намъ два сіяющихъ вѣнца
Изъ яркихъ звѣздъ сплетутъ.

И тамъ, гдѣ благъ всевышній судъ,
Нѣтъ казней, ни тюрьмы,
Гдѣ хоры ангеловъ поютъ,
Вѣнчаться будемъ мы.

Восторгъ наполнилъ грудь мою,
Свиданья близокъ часъ,
И вѣчный бракъ въ святомъ раю
Навѣки свяжетъ насъ.

Къ чему отчаянье и страхъ?
Иду, готова я...
О другъ! — Окрѣпшая въ скорбяхъ —
Чиста любовь моя!

ПРАЗДНИКЪ ЗАБВЕНЬЯ.

(Средневѣковая поэма).

I.

О, какъ безцвѣтна жизнь моя!
Съ утра — отъ пряжи ноютъ руки,
Съ утра одна томлюся я
Отъ одиночества и скуки.

Ползетъ лѣниво день за днемъ,
Пустыя радости такъ рѣдки:
Случайный гость заглянетъ въ домъ,
Иль вечеринка у сосѣдки.

Мой мужъ со мной не тратитъ словъ,
Ему въ застѣнкѣ дѣла много,
Съ толпой заплечныхъ мастеровъ —
Пытать и жечь «во славу Бога».

Всегда угрюмъ, всегда брюзгливъ,
Въ добро давно утративъ вѣру,
Со мной онъ холодно-ревнивъ
И подозрителенъ не въ мѣру.

7*

Не знаю я, что значитъ смѣхъ,
Въ окно не смѣю бросить взора.
Нашъ домъ — страшилище для всѣхъ,
Преддверье смерти и позора.

Я слышу стоны, слышу плачъ,
И крикамъ жертвъ должна внимать я:
— «Проклятіе тебѣ, палачъ!»
И съ палачомъ дѣлить проклятья.

О, какъ ничтожны дни мои!
Шей, вышивай, пряди безъ толку,
Тоску и злобу затаи
Да корчь усердно богомолку.

Не сможешь, — вѣдьмой назовутъ,
А тамъ, какъ всѣмъ, одна дорога:
Тюрьма, допросъ, мученья, судъ, —
И дымъ костра во славу Бога.

И нечѣмъ жить. А смерть не ждетъ.
Я изнываю... Солнца, свѣта!..
Мертвящей жизни давитъ гнетъ,
И нѣтъ исхода, нѣтъ отвѣта!

II.

— «Помочь тебѣ, другъ мой, хотѣла бы я,
Недугъ твой давно мнѣ знакомъ,» —
Сказала Инеса, подруга моя,
Ко мнѣ заглянувъ вечеркомъ.

— «О другъ мой, тебѣ я могла бы помочь,
Лишь только скажи, повели,
И будешь со мной въ эту долгую ночь
Далеко отъ скучной земли».

Мы тихо скользнемъ въ заповѣдную даль,
Незримо, неслышно для всѣхъ;
Узнаемъ восторги, узнаемъ печаль,
Истому нездѣшнихъ утѣхъ.

Я тайной владѣю; открыла мнѣ мать
Могущество власти своей;
Я грозы и ливни могу вызывать
И слать ихъ на жатвы полей.

Хочу — и надвинутся тучи, какъ щитъ,
На ясную неба лазурь,
И громъ загрохочетъ, и вихрь загудитъ,
И стоны послышатся бурь.

И вороновъ черныхъ несмѣтная рать
Завьется въ сіяньи луны...
Ты хочешь ли *праздникъ забвенья* узнать,
Увидѣть безсмертные сны?

Уйдемъ же туда, въ заповѣдную даль,
Гдѣ съ воплями борется смѣхъ,
Гдѣ будутъ восторги и будетъ печаль,
Истома нездѣшнихъ утѣхъ!» —

III.

Раздвинулись стѣны. Предъ нами сверкалъ
Пурпурными тканями убранный залъ;
Ихъ тяжкія складки казались краснѣй,
Кровавясь подъ блескомъ несчетныхъ огней.

Мы поздно явились. Окончился балъ.
Но воздухъ отъ пляски еще трепеталъ,
И музыки сладкой и нѣжной, какъ сонъ,
Стихалъ, замирая, серебряный звонъ.

Собраніе странное видѣли мы:
Съ людьми здѣсь смѣшались исчадія тьмы,
Инкубы и ларвы, межь вѣдьмъ безъ числа,
Роились безшумно, какъ призраки зла.

И наши тутъ были. Узнали мы ихъ
Среди опьянѣвшихъ, безумныхъ, нагихъ,
И тѣхъ, что съ давнишнихъ считалися поръ
За лучшихъ изъ женъ, дочерей и сестеръ...

Вампировъ мнѣ сердце прожгла красота!
Вампировъ, какъ маки, алѣли уста,
Какъ маки кладбища на мраморѣ плитъ,
Алѣли и рдѣли межъ блѣдныхъ ланитъ.

И вспухшія губы, пятная любовь,
Въ лобзаньяхъ по каплѣ вбиравшія кровь,
Змѣились улыбкой, дразнили мечты,
Сулили восторгъ сверхземной красоты...

Мы ждали. — И мигъ несказанный насталъ,
И кто-то, суровый, предъ нами предсталъ,
Въ вѣнцѣ и порфирѣ, одѣтый въ виссонъ,
Зловѣще-багрянымъ огнемъ окруженъ.

И всѣ мы, объятые чувствомъ однимъ,
Невольно, во прахѣ склонились предъ нимъ.
Но молча и гордо прослѣдовалъ онъ
Туда, гдѣ сіялъ раззолоченный тронъ.

И арфу онъ взялъ, и на арфѣ игралъ,
И звуками скорби наполнился залъ.
И вздохи той пѣсни росли и росли,
И въ царство печали меня унесли.

Онъ пѣлъ о растущихъ надъ бездной цвѣтахъ,
О райскихъ, закрытыхъ навѣки вратахъ;
И былъ онъ прекрасенъ, и былъ онъ великъ,
Въ немъ падшаго ангела чудился ликъ.

И дрогнуло сердце отзывной струной,
Далекое вновь пронеслось предо мной,
Какъ будто, завѣсу надъ прошлымъ моимъ
Разсѣкъ лучезарнымъ мечомъ серафимъ.

И вспомнилось время безгрѣшныхъ годовъ,
Небесныхъ мечтаній, божественныхъ сновъ,
Унылую жизнь озарившихъ едва, —
И дѣтской молитвы святыя слова...

И плакали, тѣсной сомкнувшись стѣной,
Въ отчаяньи общемъ и въ мукѣ одной,
Безплотные духи и дѣти земли,
Что крестъ свой нести до конца не могли.

О, сколько страданій воскресло вокругъ!
Расширенныхъ взоровъ, ломаемыхъ рукъ...
И крикъ матерей, и рыданія вдовъ,
Мольбы и проклятья, и скрежетъ зубовъ!..

— «Все то же; ихъ плачемъ не тронута я», —
Сказала Инеса, подруга моя.
— «Оставимъ стенанья юдоли земной,
Мы здѣсь собралися для цѣли иной». —

И гроздья она обвила вкругъ чела,
И кубокъ янтарнымъ виномъ налила,
Высоко взметнула бокалъ золотой
И стала, блистая своей наготой.

И все оживилось и ринулось вдругъ,
Сцѣпился, завился ликующій кругъ, —
И бубны звучали, и слышался смѣхъ
Средь царства печали рожденныхъ утѣхъ...

IV.

Я не помню — когда и не знаю — зачѣмъ,
Я очнулась въ юдоли земной.
И весь міръ мнѣ казался безлюденъ и нѣмъ,
Мнѣ, вкусившей отъ жизни иной.

И опять потянулись безцвѣтные дни
Лицемѣрныхъ молитвъ и труда.
Все — какъ прежде; но чистыя грезы однѣ
Не вернутся ко мнѣ никогда.

И со смѣхомъ теперь я предстану на судъ,
И на пыткѣ не выдамъ сестеръ.
Пусть терзаютъ и жгутъ, пусть на площадь ведутъ,
Я спокойно взойду на костеръ.

И скажу я: — «Знакомъ ли вамъ, дѣти земли,
Наслажденья восторгъ неземной
Тѣхъ, что крестъ свой нести до конца не могли
И вкусили отъ жизни иной?

Вы знавали-ль мгновенья безсмертныя тѣхъ,
Кто — межъ скукой земли и грѣхомъ —
Дерзновенно и радостно выбрали грѣхъ
И предъ смертью не плачутъ о томъ?» —

Но слыву я примѣрной и доброй женой,
И не говоръ мнѣ страшенъ людской;
Я блѣдна, я больна отъ печали одной,
Я томлюсь безъисходной тоской.

И спѣшу я во храмъ, но, смущенная, тамъ,
Какъ предъ дверью съ забытымъ ключомъ,
Я не смѣю и взоры поднять къ небесамъ,
И не въ силахъ просить ни о чемъ.

Я молитву начну и не кончу ее, —
Струны арфы послышатся мнѣ.
И звучитъ, и вливается въ сердце мое
Чей-то голосъ въ нѣмой тишинѣ.

Чей-то голосъ звучитъ, чей-то голосъ поетъ
О величьи тернистыхъ дорогъ,
Сѣрыхъ дней и заботъ, чей безропотный гнетъ
Предъ Всевышнимъ, какъ подвигъ, высокъ.

Онъ твердитъ о ничтожествѣ бренныхъ утѣхъ,
О раскаяньи, жгущемъ сердца,
И дрожу я, и вижу, что страшенъ мой грѣхъ,
Что страданью не будетъ конца.

И холодныя плиты подъ сумракомъ нишъ
Тайныхъ слезъ окропляетъ роса.
О мой Боже! Ты благъ, Ты великъ, Ты простишь, —
И надъ бездной блеснутъ небеса!

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Зимнія пѣсни:

Осеннія мелодіи:

II.

Фантазіи.

III.

Молохъ (пѣсни тоскующей любви).

IV.

Поэмы.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА:

Лохвицкая М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. тома. Ц. I и III том. по 2 р., томъ II одинъ рубль.

Апухтинъ, А. Н. Сочиненія. Изд. 4-е Ц. 4 р.

Андреевскій. С. А. Стихотворенія 1878—1885 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Величко, В. Л. Восточные мотивы. Стихотворенія. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

—Второй сборникъ стихотвореній. Ц. 1 р. 50 к.

Буренинъ, В. П. Былое. Стихотворенія. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е. дополн. нов. стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Голубые звуки и бѣлыя поэмы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Мережковскій, Символы. Пѣсни и поэмы. Ц. 1 р. 50 к.

Фофановъ, К. М. Часть I. Стихотворенія. Часть 2-я. Этюды въ риѳмахъ. Часть 3-я Снѣгурочка. Часть 4-я Майскій шумъ. Цѣна каждой части 50 к. Часть 5-я монологи. Ц. 1 р.

Черниговецъ, Ф. В. Стихотворенія. Ц. 2 р.

Баратынскій, Е. А. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя **Киршею Даниловымъ.** Ц. 30 к., въ пап. 38 к., въ пер. 50 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 40 к.

Русскія народныя пѣсни, собран. Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачъ. Ц. 3 р.

Михайловскій, Д. Л. Иностранные поэты въ переводахъ и оригинальныя стихотворенія. 2 тома. Ц. за 2 тома 3 р.

Веневитиновъ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портрет. автора. Изданіе 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

Давыдовъ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

Дельвигъ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к., на веленев. бум. 40 к.

Козловъ, И. Три поэмы. Чернецъ.—Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая.—Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіею, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящн. пер. 25 к.

— То же. Изящное изд. (Напечатано для любителей) 100 экз. на слоновой бум. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к., и 300 экз. на велен. бум. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни, Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к., на вел. бум. 20 к.

Рылѣевъ, К. Думы и поэмы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

Пушкинъ, А. С. Собраніе сочиненій въ 10 томахъ болѣе 4000 стр. Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изд. 3-е. Ц. за 10 т. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 3 р. 50к. въ папкѣ 2 р. 30 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

— «Маскарадъ», драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и «Маскарадъ», драма въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

— Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 27 к.

— Поэмы «Мцыри» и «Демонъ». Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ пер. 23 к.

— Кавказскія поэмы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

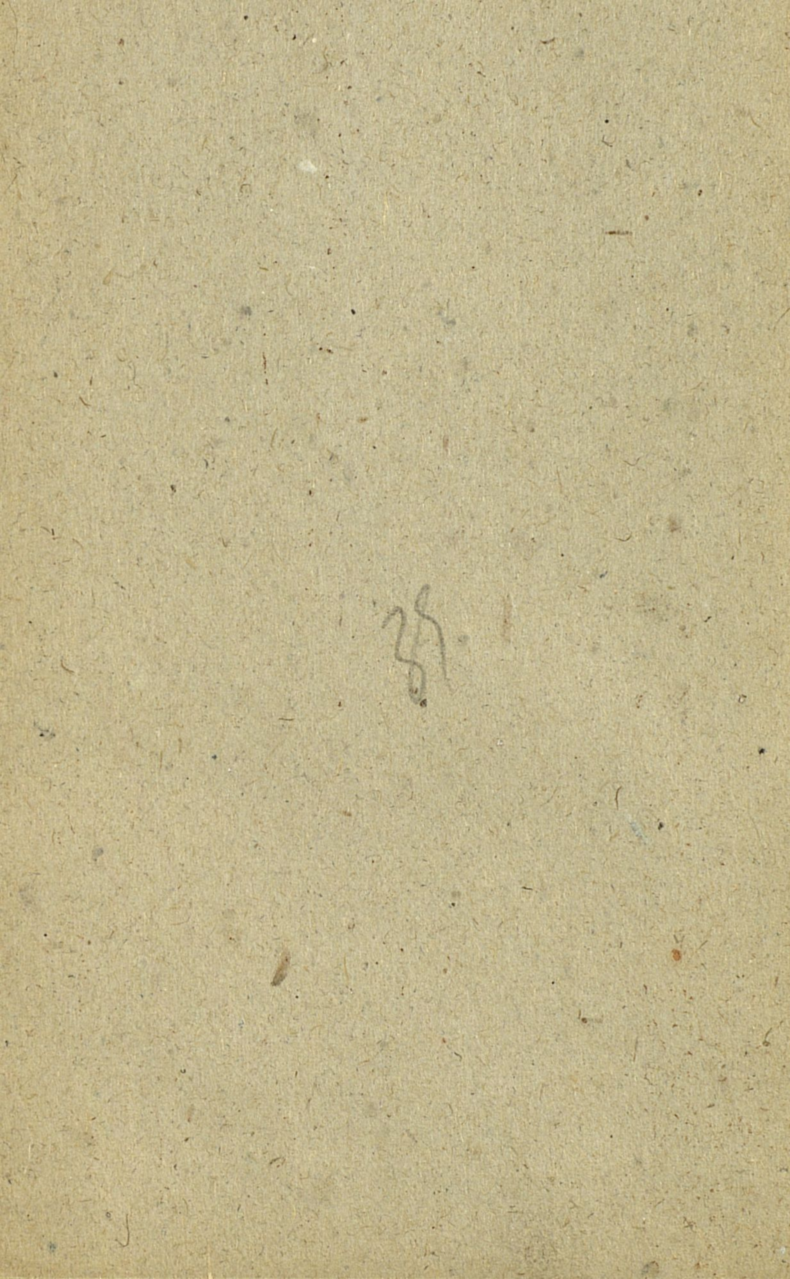
— Поэмы «Бояринъ Орша» и «Казначейша», «Литвинка», «Ангелъ Смерти», «Исповѣдь», «Азраилъ», «Корсаръ», «Джульо». Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

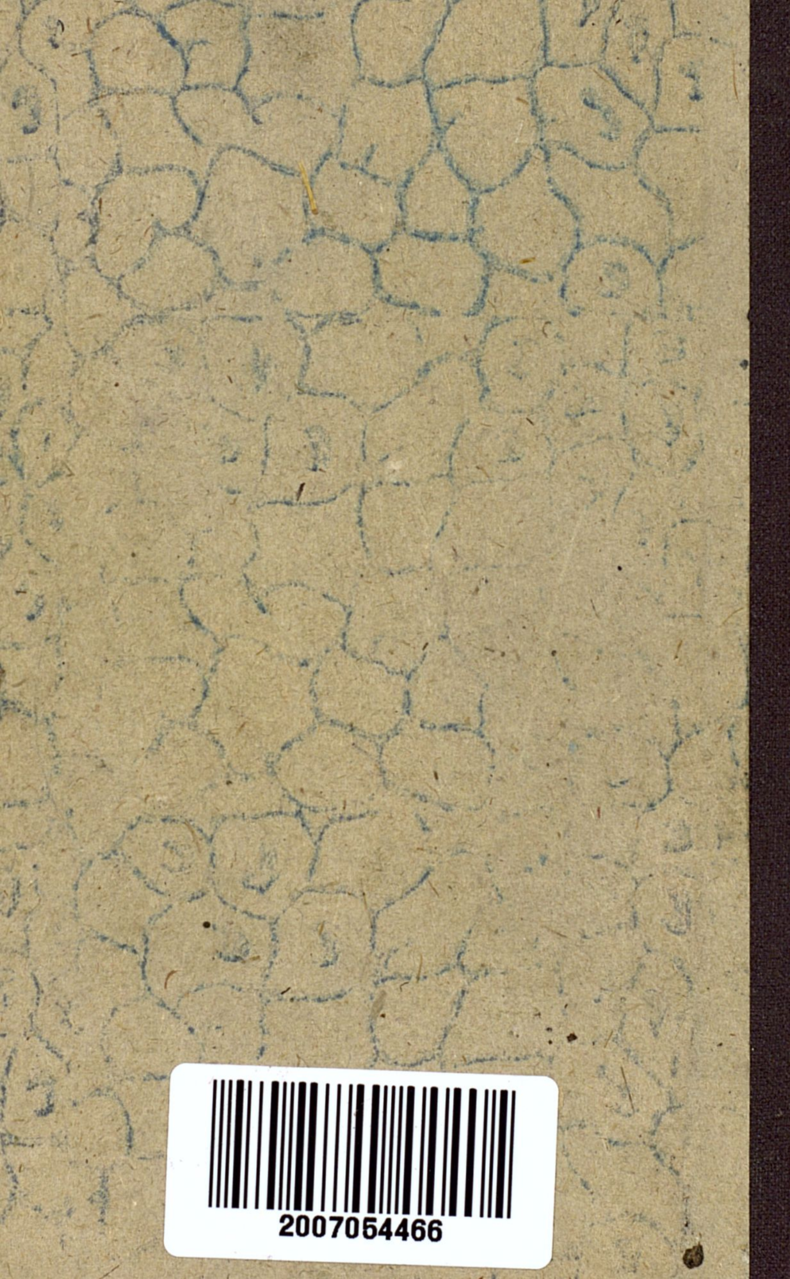
— Выбранныя юношескія стихотворенія. Съ портретами. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 27 к.

Языковъ, Н. М. Стихотворенія. Съ портретомъ и біографіей. Ц. за 2 тома 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ СПБ., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и на станціяхъ жел. дорогъ.

Цѣна 1 руб.

28.

2007054466